
Irena Merano
Музей несбывшихся катастроф
Книга 1
Экспонат № 000

Irena Merano

Музей несбывшихся катастроф

https://litres.ru/74728244
SelfPub; 2026

Аннотация

В Музее несбывшихся катастроф хранятся трагедии, которых никогда не было. Но однажды появляется невозможный экспонат: гибель целого города, завтрашняя дата и имя Альмы Вельэри — женщины, которая якобы уже предотвратила эту катастрофу.

В поисках правды Альма сталкивается с исчезнувшими людьми, чужими воспоминаниями и тайнами, за которые убивают. Чем глубже она проникает в прошлое музея, тем страшнее становится истина.

Ведь некоторые катастрофы не предотвращают. Их заставляют случиться с теми, о чьём существовании мир больше не помнит. И, возможно, Альма уже однажды была среди них..

Irena Merano
Музей несбывшихся катастроф

Глава 1

В два часа семнадцать минут ночи Альма Вельэри заметила, что из музейного свидетельства исчезло слово «не».

Ещё мгновение назад на пластине значилось: «Пожар в Королевской оранжерее. Не погиб ни один человек».

Теперь серебряные буквы утверждали: «Погиб ни один человек».

Альма моргнула. Глупая бессмыслица. Просто сломавшаяся надпись — так она успела подумать, прежде чем буквы пришли в движение снова.

«Погибли шестьдесят три человека».

Под стеклом на реставрационном столе вспыхнул огонь.

Пламя было маленьким, величиной с ладонь. Оно не давало тепла — до тех пор, пока рядом не загорелась сухая кисть.

Альма швырнула на стол плотное защитное полотно. Огонь под ним задёргался, будто пойманное животное, и наконец исчез. От кисти осталась чёрная щетина. На пальцах Альмы выступили красные пятна ожога.

Она смотрела на них несколько секунд.

Отголоски предотвращённых катастроф не должны были ничего сжигать.

Они могли показывать пожар, воспроизводить треск пламени и запах дыма. Настоящей становилась лишь та часть события, которую не удалось удержать правдивым свидетельством. Так учили реставраторов. Так был устроен Музей несбывшихся катастроф. На этом основывалась безопасность целого города.

А сейчас кто-то изменил в старом свидетельстве несколько слов — и трагедия, которой удалось избежать сорок два года назад, едва не случилась на самом деле.

Альма знала не по учебникам, как дорого может стоить неверная буква. В первый месяц работы она однажды перепутала фамилии двух свидетелей. Стекло запотело, будто изнутри на него подышали. Её наставник не повышал голоса, только заставил переписать всё свидетельство от начала до конца и сказал: «В нашем деле правду не украшают. Её либо записывают точно, либо оставляют катастрофе незапертую дверь».

Тогда Альма решила, что он преувеличивает. Теперь она смотрела на почерневшую кисть и впервые понимала, чего боялся старый реставратор.

Она приподняла защитное полотно. Под ним на столе осталось пятно сажи, вытянутое в подобие числа «63». Даже потухнув, пожар требовал вернуть себе людей, которых не

получил сорок два года назад.

Альма взяла лупу. Серебряная пластина была запечатана. По краям — нетронутые печати Главного архива. Ни на одной букве не было заметно следов вмешательства.

Она открыла журнал реставрации и записала время, номер экспоната и характер нарушения. Потом потянулась к сигнальному шнуру.

Шнур не поддался. Альма потянула сильнее, и верёвка бессильно повисла: наверху её кто-то аккуратно перерезал. Срез был ровным, без растрёпанных волокон.

На медной пломбе, которой крепился шнур, виднелась дата последней проверки.

До этого дня Альма считала службу безопасности нерасторопной, но добросовестной. Сотрудник, проверявший шнур, непременно оставлял на пломбе короткую вмятину особым клеймом. Здесь вмятина была идеальной, словно металл только что вынули из формы. Слишком новой для пломбы, установленной в прошлом месяце.

Дата проверки была завтрашней.

Альма подняла фонарь повыше.

Нет, она не ошиблась. Ни в месяце, ни в числе.

— Чудесно, — тихо сказала она. — Теперь у нас ещё и опережающая служба безопасности.

Откуда-то справа донеслось три коротких удара.

Тук. Тук-тук.

Альма замерла.

Этого стука она не слышала пятнадцать лет.

Так мать подавала ей знак, когда возвращалась домой слишком поздно и не хотела будить соседей: один удар, небольшая пауза, два подряд. «Это я. Открой».

Условный стук не был секретом, достойным имперских архивов. И всё же знали о нём только двое: мать и Альма. После исчезновения матери она больше ни разу не повторяла его даже ради шутки. Несколько месяцев маленькая Альма сидела ночами у двери, прислушиваясь к лестничной площадке, пока соседка не начала оставлять ей горячее молоко. Потом она перестала ждать.

Сейчас она не почувствовала радости. Только злость — такая острая, будто кто-то влез в детское воспоминание в грязных сапогах.

В мастерской никого не было. Единственное окно выходило во внутренний двор; за ним шумел дождь.

Стук повторился.

Тук. Тук-тук.

На стене висела картина старого Кайрела: солнечная набережная, красные крыши, мост Семерых Фонарей. Альма знала полотно до последнего скола на раме — семь лет назад именно его доверили ей осмотреть в первый рабочий день.

Теперь нижний угол картины был мокрым.

Альма приблизилась. По мрамору стекала тонкая струйка воды. На полу она оставляла белёсые разводы соли.

В Кайреле не было моря.

А затем изменилось само изображение.

Утреннее небо потемнело. Мост, ещё минуту назад переполненный экипажами, лежал в реке. Вода доходила до верхних этажей. Шпиль ратуши торчал над крышами, словно последняя рука тонущего человека.

Альма схватила фонарь и сделала шаг назад.

За картиной разошлись мраморные плиты. Из стены возникла дверь, которой не было ни на одном плане музея.

На медном косяке проступила надпись:

ГАЛЕРЕЯ № 000. ВХОД ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ ЗАПРЕЩЁН.

Альма знала три правила, которые сообщали каждому сотруднику ещё до подписания контракта. Не касаться стекла голой рукой. Не входить в закрытые галереи после полуночи. Не произносить рядом с действующим экспонатом слова «А что, если?».

Ни одно не объясняло, почему галерея умеет стучать материнским условным сигналом.

Альма оглянулась на обрезанный сигнальный шнур. До поста ночной охраны в Восточном крыле — пять минут быстрым шагом. За пять минут отголосок, сумевший поджечь кисть, мог успеть куда больше. А дверь перед ней уже начала медленно сужаться. Если она исчезнет, доказательством останется только запись в журнале — рядом с выдуманной завтрашней датой.

Альма вынула из футляра серебряный реставрационный

стержень и, прежде чем окончательно передумать, переступила порог.

* * *

Коридор продолжался там, где его быть не могло.

Из всех музейных загадок Альма меньше всего любила те, что нарушали архитектуру. Восстановить разбитую чашу можно, если известна форма каждого осколка. Но что прикажете делать с лишними двадцатью метрами здания?

После двадцать седьмого шага Альма остановилась. За стеной мастерской находились служебная лестница, склад и фасад. Она сама сверяла чертежи Западного крыла. За ними не оставалось места даже для узкого прохода.

Фонарь освещал гладкий камень без швов. По стенам текли тени, не похожие на её собственную.

На двадцать девятом шаге Альма услышала шаги сзади и резко обернулась.

Коридор был пуст.

Впрочем, на влажном полу виднелись следы чужой обуви. Не впереди, как следовало бы ожидать, а позади неё — там, где она только что прошла. Отпечатки были крупнее её сапог и вели от мастерской к залу.

Она присела. Коснулась одного края пальцем.

Отпечатки оставили крупные сапоги с узким раздвоением на каблуке. Такую подошву использовали на старой служебной обуви, которую музейные служители перестали носить ещё до рождения Альмы.

Страннее всего было другое: следы совпадали с её направлением движения, но не были видны, пока она не проходила мимо. Не преследователь шёл за ней. Коридор словно вспоминал чужие шаги вслед за её собственными.

След был совершенно сухим.

— Хорошо, — сказала Альма пустоте. — У тебя есть ноги. Осталось выяснить, есть ли совесть.

В конце коридора вспыхнул тусклый свет. Перед ней открылся круглый зал под куполом.

Посредине стоял стеклянный цилиндр на чёрном основании. Внутри него, под едва видимой дымкой, находился город.

Её город.

Кайрел — с ратушей, рыночной площадью, мостом Семерых Фонарей, домами вдоль реки. По мощёным улицам ехали экипажи. В окнах горели лампы. Из труб поднимался дым. На маленьком балконе женщина вытряхивала ковёр.

Альма узнала дом своего детства и почувствовала почти физический укол: во дворе стояла яблоня, спиленная вскоре после исчезновения матери.

На миниатюрной улице раздался колокольный звон.

Река поднялась.

Она не разливалась постепенно, как во время весенних паводков. Вода встала вертикально и пошла на город стеной. Первый мост раскололся, словно игрушечный. По набережной бежали люди. В домах вспыхивал огонь. Последней рух-

нула башня ратуши.

Альма отшатнулась. Витрина погасла.

Мгновение спустя снова загорелись уличные фонари. Женщина вернулась на балкон. Ковёр полетел через перила. Колокол зазвонил, и река снова встала стеной.

Катастрофа повторялась.

Альма проследила за женщиной с ковром. Перед самым первым ударом колокола та всегда поднимала голову, будто слышала что-то прежде остальных. А на третьем повторении Альма заметила: на одном из мостов мальчик бежал против потока толпы и каждый раз останавливался в одной и той же точке, указывая на пустое место на другом берегу.

Петля была точной. Но люди внутри неё выглядели не как игрушки, а как свидетели, вынужденные вновь и вновь проигрывать последние минуты своего существования.

Словно кто-то терпеливо репетировал гибель Кайрела, пока не добьётся идеального результата.

Под витриной блестела табличка.

ЭКСПОНАТ № 000

ГИБЕЛЬ КАЙРЕЛА

Дата: ЗАВТРА

Число погибших: 18 406

Статус: ПРЕДОТВРАЩЕНО

Ответственное лицо: АЛЬМА ВЕЛЬЭРИ

Альма прочитала надпись дважды.

Невозможно предотвратить завтрашнюю катастрофу вче-

рашним свидетельством. В музее хранили отголоски событий, которые могли случиться, но не случились. Для этого требовался настоящий свидетель, способный назвать причину спасения. Без него стекло оставалось стеклом.

Она наклонилась к нижнему краю таблички.

Свидетельство: ОТСУТСТВУЕТ.

Альма выпрямилась.

Это было хуже ошибки в документах. Если отголосок уже действовал, но не был связан правдивым свидетельством, перед ней стоял не музейный экспонат. Перед ней стояла дверь для катастрофы.

И табличка утверждала, что ключ находится у неё.

Внутри цилиндра вновь поднялась вода. На этот раз Альма не смотрела на реку. Её внимание привлекло другое: в уменьшенном городе не было музея. На месте высокого здания виднелся старый сад, у дорожки которого темнела одна-единственная скамья.

Она хорошо знала эту скамью.

Когда-то мать сидела на ней и объясняла маленькой Альме, что каждая починенная вещь хранит не только след повреждения, но и след руки, которая её спасла.

Музей построили позже — на месте старого сада.

Но на площади под стеклом по-прежнему стояла та самая скамья.

Изображение города относилось к прошлому.

Дата под ним обещала будущее.

— А что, если вы показываете не завтрашний Кайрел? — прошептала Альма. — А что, если это город, который кто-то уже однажды потерял?

Стекло ответило тонким звоном.

Она замерла. Запретные слова были произнесены.

Вода отступила от улиц. Среди бегущих людей неподвижно стояла женщина в светлом платье. На запястье блестел браслет с тремя подвесками: солнце, птица и крошечный ключ.

Материнский браслет.

Пятнадцать лет назад его положили в пустой гроб. Тела так и не нашли. Альма сама закрывала бархатную крышку футляра, потому что взрослые в тот день оказались неспособны даже на это.

— Мама?

Женщина шагнула ближе. Внутри цилиндра она становилась всё больше, пока не оказалась почти в человеческий рост. Её лицо было таким, каким Альма помнила его в последний вечер: усталым и прекрасным в свете кухонной лампы.

— Не спасай город, — сказала женщина. Голос был материнским, но слова прозвучали так отчётливо, словно их много раз репетировали.

Альма даже не сразу поняла смысл слов.

— Что?

— Не спасай Кайрел. Они ждут, что ты попытаешься. Их

интересует не город. Им нужен свидетель.

«Они».

Женщина за стеклом взглянула куда-то поверх её плеча, точно заметила опасность в пустом зале.

— Слушай внимательно. Если тебе покажут меня снова…

Её голос сорвался. Вода за спиной поднялась до крыш.

— …не верь лицу, которое узнаешь. Оно знает твои воспоминания.

Ладонь женщины прижалась к стеклу изнутри.

Альма машинально ответила тем же.

Холод обжёг пальцы.

По внутренней поверхности побежала тонкая чёрная линия, повторяя контур её руки. На серебряной табличке вспыхнули новые буквы.

КОНТАКТ СВИДЕТЕЛЯ УСТАНОВЛЕН.

Альма отдёрнула ладонь.

Это не было обычной реакцией оболочки. Витрина не просто показала ей событие. Она зарегистрировала её присутствие.

И только тогда Альма заметила: подвески на материнском браслете в неправильном порядке.

В детстве мать всегда надевала браслет так, чтобы ключ был ближе к ладони. Здесь ключ висел со стороны локтя.

Либо Альма ошибалась в самом дорогом воспоминании своей жизни.

Либо женщина за стеклом ошибалась, притворяясь мате-

рью.

Была и третья возможность, от которой Альме стало хуже: некто точно воспроизвёл память, которой сама Альма давно не доверяла. Утраченная мать — удобное лицо. Её можно увидеть и поспешить поверить, прежде чем спросить, кто перед тобой.

Она не позволила себе произнести ещё ни слова. Вместо этого достала из кармана блокнот и быстро записала порядок подвесок. Если воспоминания начнут меняться, ей понадобится хотя бы одна запись, сделанная сейчас.

По стеклу прошла трещина.

* * *

Сначала раздался звук, похожий на звон хрустального бокала. Затем вдоль цилиндра побежала тонкая белая жилка.

Из трещины выступила капля воды. Упала на мрамор и не растеклась, а поднялась круглым шаром. Внутри мелькнуло крошечное лицо с открытым в беззвучном крике ртом.

Шар лопнул.

На полу остался мокрый отпечаток ладони — человеческой, взрослой. От него пахло речным илом.

Альма отступила к выходу. Арка исчезла. Вместо неё стояла сплошная стена.

— Отойдите от витрины, — прозвучало за спиной.

Мрамор раскрылся. На пороге появился высокий мужчина в тёмном пальто с серебряной застёжкой. В руке он держал короткое устройство, напоминающее пистолет, но вме-

сто ствола в нём светились три узкие нити.

Он посмотрел не на трещину, не на растущую лужу — на руку Альмы.

— Вы коснулись стекла.

Это прозвучало не как вопрос.

— А вы кто?

— Керн Астель. Отдел нарушений причинности.

— Такого отдела не существует.

— Для большинства жителей — нет. Руку покажите. И не пытайтесь стереть след, если он появился.

Альма не двинулась.

Керн не стал приближаться. Он достал из внутреннего кармана сложенный документ, развернул его и протянул так, чтобы она могла прочесть печать.

На бумаге стояло распоряжение: «В случае появления галереи № 000 не допускать контакта реставратора Альмы Вельэри с экспонатом». Ниже стояла приписка другим почерком: «Свидетельство может быть получено без согласия свидетеля».

Дата — пятнадцать лет назад.

Внизу было несколько подписей, но одна фамилия оказалась вымарана густыми чёрными чернилами.

— Это шутка? — спросила Альма.

— Хотелось бы. Кто-нибудь разговаривал с вами изнутри?

Она не ответила.

Керн посмотрел на витрину. Там женщина в светлом пла-

тье всё ещё стояла посреди невредимого города, хотя вокруг неё менялись времена суток.

— Не называйте её имя, — сказал он.

Альма почувствовала знакомое раздражение — спасительное, почти разумное после всего увиденного.

— Вы пришли с приказом пятнадцатилетней давности, держите оружие и предлагаете мне доверять вам на слово?

— Нет. Предлагаю сначала пережить ближайшие минуты. Доверие обсудим потом.

Он направил устройство на стекло.

Прозвучал низкий удар, будто где-то под полом качнулся огромный колокол. Внутри витрины остановились вода и падающие камни. На табличке появилось число:

03:00

И сразу уменьшилось.

— Это не время до катастрофы в городе, — быстро сказал Керн, заметив её взгляд. — Это время до разгерметизации витрины. Когда контур прорвётся, здесь начнут происходить вещи, которым неоткуда взяться.

— У меня есть реставрационный ключ, — сказала Альма. — Но если свидетельства нет, замкнутый контур долго не продержится.

— Значит, нам нужно выиграть время.

Она достала ключ. Керн вставил его в углубление под табличкой. По стеклу выступило повреждённое защитное плетение — серебряные линии, связывающие событие с запи-

сью о спасении.

Альма вгляделась в узор.

— Контур не порван.

— Я вижу разрыв.

— Нет. Линия намеренно отведена в сторону. Посмотрите на край — здесь свежий сгиб, не повреждение. Кто-то оставил место для ещё одного звена.

Керн нахмурился.

— Для чего?

— Чтобы его вставил тот, кто придёт чинить.

На табличке осталось двадцать две секунды.

Альма посмотрела на свою ладонь. Чёрный след от стекла проявился под кожей тонкой линией.

— Это ловушка для реставратора, — сказала она. — Они повредили контур так, чтобы опытный человек попытался его исправить. И чтобы со стороны это выглядело добровольным подтверждением.

— Тогда не замыкайте.

— Если не замкну, отголосок станет настоящим. Если замкну, кто-то сможет назвать моё действие свидетельством.

— Если замкнёте, возможно, запустите то, чего они ждут.

Двадцать секунд.

Альма думала о мастерской, о безопасной работе над пластиной № 418. О матери, которая показала ей, как держать стержень и не давить на старое стекло. О маленьких людях в цилиндре, ещё не знавших, что их город уже репетирует

гибель.

И о том, что существуют решения, в которых нельзя быть правым. Можно лишь выбрать, за какую ошибку готов отвечать.

— Мне нужно удержать контур, — сказала она. — Не завершить его. Разница есть.

Она сняла с пояса тонкий стержень и нашла точку, где сходились три линии. Если соединить крайние, новое звено замкнулось бы окончательно. Если поднять среднюю, получилась бы временная перемычка — ненадёжная, но обратимая.

Керн удерживал ключ. Альма осторожно подтянула серебряную нить.

00:09.

Внутри витрины мосты рушились быстрее, будто город спешил успеть до конца отсчёта.

00:05.

Стержень соскользнул. Альма стиснула зубы, поймала нить на самом кончике и потянула вверх.

00:02.

Плетение вспыхнуло.

Вода замерла. Рушащиеся башни поднялись и встали на свои основания. По улицам снова пошли экипажи.

Таймер исчез.

Альма опустила руку, чувствуя, как стержень дрожит между пальцев.

— Перемычка. Не свидетельство, — выговорила она. —

Я ничего не заверяла. У нас есть время.

Но табличка уже менялась.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО.

КАТАСТРОФА ПРЕДОТВРАЩЕНА.

— Нет, — прошептала Альма. — Я ничего не подтверждала.

Слова продолжали появляться.

СВИДЕТЕЛЬ: АЛЬМА ВЕЛЬЭРИ.

ОСНОВАНИЕ: ЛИЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

— Это неправда. Я видела только изображение. Я не спасала Кайрел.

Керн резко повернулся к ней.

— Именно. Кто-то подменил смысл вашего действия. Временную заплату записали как доказательство спасения.

Впервые за всё время в его голосе прозвучал настоящий страх.

— А здесь ложное свидетельство не удерживает катастрофу, — продолжила Альма. — Оно позволяет несостоявшемуся событию претендовать на настоящее.

Город внутри цилиндра опустел.

Не от воды. Не от огня. Люди исчезали по одному. Женщина на балконе уронила ковёр — и исчезла прежде, чем он коснулся мостовой. На мосту пустой экипаж продолжал катиться без кучера.

Число погибших изменилось.

18 407.

Ниже возникло имя:

КЕРН АСТЕЛЬ.

Керн прочёл его и ничего не сказал.

— Из-за меня? — спросила Альма.

— Из-за того, кто знал, что именно вы сделаете, если увидите повреждённую витрину. Вас не заставили лгать, Альма. За вас солгала система.

— Моя мать предупреждала…

— Та женщина? — Керн перевёл взгляд на цилиндр. — Посмотрите внимательно. Она не отражается в стекле.

Альма повернулась.

В прозрачной стенке цилиндра отражались Альма, Керн, фонарь и даже трещина на полу. Женщины в светлом платье не было.

Однако внутри города она стояла по-прежнему и теперь смотрела прямо на Керна.

Улыбалась.

Керн поднял ладонь, заслоняя Альме вид на витрину.

— Не отвечайте ей. Что бы она ни предложила.

— Вы её знаете?

— Нет. И это хуже всего.

Он достал папку с красной печатью, быстро пролистал её и раскрыл перед Альмой.

— Если это приказ вашей службы, почему вы читаете его так, будто надеетесь увидеть другие слова? — спросила она.

Керн на мгновение задержал пальцы на крае листа.

— Потому что последний раз в нём было написано иначе.

— Что именно?

— Не знаю. — Он произнёс это с явным усилием. — Помню, что видел документ, но не помню его текста. Пока витрина переписывает свидетельства, даже мои записи могут перестать быть доказательством.

На старом снимке был этот круглый зал. На заднем плане — пустая витрина. Под фотографией значилось: «Последняя активация: пятнадцать лет назад». Альма застыла: если снимок подлинный, музей стоял здесь уже тогда, когда она помнила на его месте старый сад. Две истории одного здания не могли быть верны одновременно.

Ниже находилась знакомая фамилия — её матери.

«Ответственная за первоначальное запечатывание».

Под снимком стояла подпись, перенесённая с тонкой серебряной пластины, — так заверяли свидетельства, которые нельзя было изменить обычным пером.

Альма поднесла лист к свету. На краю проступало почти стёртое слово: «возмещение».

— Это свидетельство о спасении, — прошептала она. — Почему здесь написано о возмещении?

Керн не успел ответить.

Ниже, другим почерком, стояла приписка:

«В следующий раз не верьте тому, кто придёт с приказом остановить Альму».

Альма медленно подняла глаза на Керна.

— Человек, о котором здесь предупреждают, — это вы?

— Не знаю, — ответил он. И по его лицу стало ясно: он не лжёт. — Я впервые увидел нулевой экспонат сегодня.

Вдали ударил городской колокол.

Не крохотный колокол внутри витрины. Настоящий, ратушный. Звук прошёл сквозь стены музея тяжёлой металлической волной.

Они бросились к окну, за которым до сих пор была лишь темнота.

Теперь за ним горел ночной Кайрел. По берегам реки метались сигнальные огни. А сама река поднималась вертикально, становясь прозрачной стеной над крышами домов.

— Это начинается, — сказала Альма.

— Нет, — тихо ответил Керн. — Это уже однажды закончилось.

Она обернулась.

На табличке, там, где прежде было указано «ЗАВТРА», возникла точная дата.

Пятнадцать лет назад.

А в строке «СТАТУС» больше не стояло «ПРЕДОТВРАЩЕНО».

Теперь было написано:

«ПОВТОРНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ».

Но на этом надписи не закончились.

Под словом «исполнение» проявилась ещё одна строка, слишком мелкая, чтобы прочесть её издалека. Альма накло-

нилась, хотя Керн резко приказал не подходить.

ПРЕДЫДУЩЕЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ: ЗАВЕРШЕНО.

ПОЛУЧАТЕЛЬ: АЛЬМА ВЕЛЬЭРИ.

— Получатель чего? — спросила она.

Керн не ответил. Он смотрел на фотографию круглого музейного зала с датой последней активации. Затем перевернул её и вынул из папки второй снимок, сложенный вчетверо.

— Альма, — произнёс он медленно. — Когда вам было восемь, вы жили в доме возле старого сада?

— Да. А что?

— И ваша мать тогда ещё была жива?

— Конечно.

Он развернул фотографию к ней. Рядом с матерью, у скамьи под яблоней, стояла девочка в синем пальто. Лицо её было наполовину закрыто веткой. На нижнем крае снимка читалась подпись: «Альма Вельэри, до предотвращения».

Альма узнала синее пальто. Она помнила, как мать пришила к нему деревянную пуговицу в форме птицы. На снимке пуговица была видна даже сквозь царапины фотографической бумаги.

Но девочка на снимке была не она.

Ни цвет волос. Ни осанка. Даже рука, которой девочка держалась за материнское запястье, была левой. Альма с детства не могла сгибать мизинец левой руки и привыкла держаться за чужое запястье только правой.

Она подняла взгляд на Керна. Впервые ей было страшно

не за город.

А за то, что она могла оказаться частью чужого спасения.

* * *